Память 10 марта (ст.стиль 25 февраля)

Житие святого отца нашего Тарасия, архиепископа Константинопольского

Святой Тарасий родился в Константинополе; отец его Георгий и мать Евкратия были люди благородные и принадлежали к сословию патрициев[1]. Достигнув совершеннолетнего возраста и получив хорошее образование, Тарасий исполнял различные должности при царском дворце; за его благоразумие и добрый нрав здесь все любили и уважали его, и он был сделан одним из царских советников. А на царском престоле восседал тогда Константин Порфирородный[2], сын Льва Хозара[3], внук Копронима[4]; он царствовал не один, но вместе с матерью своею Ириною[5], так как ему ко времени воцарения было всего 10 лет. Патриархом же был тогда Павел Кипрянин[6], муж добродетельный и благочестивый, но слишком слабовольный и боязливый. Он возведен был на патриаршество в царствование упомянутого Льва Хазара, сына Копронимова, при котором ересь иконоборцев, получившая начало от Льва Исаврянина[7], все более и более усиливалась. Видя, что многие претерпевают от злочестивого царя великие муки за поклонение святым иконам, патриарх убоялся и стал скрывать свое благочестие и даже имел общение с еретиками. По смерти Льва Хозара патриарх и хотел восстановить благочестивый обычай поклоняться святым иконам, но не мог, потому что не было у него помощника, между тем как ересь иконоборцев все усиливалась как в самой столице, так и в других областях государства. Это сильно печалило патриарха. Видя, что он ничего не может сделать для торжества православия, Павел задумал оставить патриарший престол, который занимал не более четырех лет. Заболев, он тайно оставил патриаршие палаты и прибыл в монастырь святого Флора, где и восприял святую схиму. Слух о пострижении патриарха скоро распространился повсюду, и все были сильно удивлены этим обстоятельством. А царица Ирина сильно опечалилась, так как патриарх оставил престол, не известив заранее о своем намерении. И вот она отправилась к нему с сыном своим, царем Константином, и спросила его:

- Что это ты, отче, сделал с нами? Почему так неожиданно оставил престол святительский?

Павел ответствовал:

- Моя болезнь и ожидание скорой смерти, а в особенности настроения в церкви нашей побудили меня оставить патриарший престол и восприять святую схиму. Церковь много терпит от иконоборцев и, вследствие продолжительного торжества иконоборческой ереси, она получила неисцельную язву. Подобно многим другим, я, окаянный, не мог избежать сетей зловерных и погряз в них, в чем ныне горько каюсь; ибо три раза я собственноручно подписывал еретические постановления. Но вот что особенно печалит и удручает меня: я вижу, что все области, подвластные вам, соблюдая ненарушимо правила веры и следуя православному учению, чуждаются нашей церкви и, считая себя стадом Христовым,

отгоняют нас от себя, как будто мы овцы не одного стада. Посему я отказываюсь быть пастырем в еретическом сонме и предпочитаю лучше умереть, чем подвергнуться анафеме от первосвятителей четырех апостольских престолов. Вам Бог даровал в руки власть царскую, чтобы вы заботились о христианском стаде, живущем на земле. Итак воззрите на скорбь матери вашей - Церкви, не допустите, чтобы она пребывала в неутешимой печали, но порадеете, чтобы она могла воспринять прежнее свое благолепие. Не попустите, чтобы богомерзкая ересь, подобно вышедшей на луга свинье, опустошала и губила вертоград Христов во время вашего царствования и оскверняла бы его злочестивым мудрованием. У вас есть искусный делатель, который поможет вам в ваших благих начинаниях. Он может возделать грозд истинного исповедания и, вложив его в точило Божией Церкви, наполнить им чашу премудрости и приготовить для верующих питие истинной православной веры.

После этих слов патриарха царица Ирина спросила его:

- О ком ты говоришь, отче?

- Я подразумеваю здесь Тарасия, который занимает первое место в вашем царском совете, - отвечал патриарх, - я знаю, что он вполне достоин управлять Церковью, так как он может жезлом своего разума отразить лживое учение еретиков, быть добрым пастырем словесного стада Христова и собрать его воедино.

Услышав это от патриарха Павла, благочестивая царица Ирина и ее сын царь Константин со скорбью оставили Павла. Он же сказал некоторым сенаторам, оставшимся у него:

- О, если бы мне не занимать патриарший престол в то время, когда наша Константинопольская церковь была в смятении от притеснителей и навлекала на себя проклятие четырех вселенских патриархов: Римского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Если не будет собран VII Вселенский Собор и не будет осуждена ересь иконоборцев, невозможно нам спастись.

Тогда сенаторы спросили его:

- Зачем ты при посвящении твоем в патриархи подписался под грамотой иконоборцев?

Павел отвечал:

- Потому-то ныне я и раскаиваюсь, что подписался тогда, и боюсь, как бы Господь не наказал меня, так как я из-за страха молчал и не противодействовал ереси; ныне же я раскаиваюсь и утверждаю, что невозможно вам спастись, если пребудете в ереси.

Вскоре после этого патриарх Павел отошел с миром к Господу. В то время жители Царьграда без всякого страха и опасения стали беседовать и препираться с еретиками о святых иконах, между тем как до сих пор со времени Льва Исаврянина никто не осмеливался заговорить в защиту святых икон[8].

Благочестивая же царица Ирина со всем царским советом стала отыскивать на место Павла человека вполне достойного и мудрого, который бы мог прекратить церковное смятение; но никого другого, кроме Тарасия, они не находили. Тарасий был тогда мирянином; но так как вспомнили, что и Павел советовал избрать его, то выбор всех остановился на нем. Но Тарасий сильно отказывался. Тогда царица Ирина собрала людей всякого чина, и светских, и духовных, и весь народ во дворец, называемый Магнаврой - он находился в предградии на Едомском месте - и пред всем освященным собором сказала: "Вам известно, что патриарх Павел оставил нас; ныне мы должны избрать себе на его место другого доброго пастыря и учителя Церкви".

На это все громко закричали:

- Таковым никто другой, кроме Тарасия, быть не может.

Блаженный же Тарасий, став посредине, сказал:

- Я вижу, что Церковь Божия разделена и разъединена. Как восточные, так и западные христиане проклинают нас; тяжело сие разъединение и страшно отлучение от Царствия Божия. Пусть будет собран Вселенский Собор, где мы должны объединиться в вере; пусть будет вера наша едина, подобно тому как мы просвещены единым крещением; ведь ничто так не угодно в очах Божиих, как пребывание всех в единстве веры и любви. Вот этого я,

недостойный и малоопытный, и требую, принимая на себя управление Церковью. Если не будет созван Вселенский Собор, если иконоборческая ересь не подвергнется достойному осуждению и не будет единения в вере между православными восточными и западными церквами, то я не соглашусь принять патриаршество, чтобы не навлечь на себя проклятия и осуждения, ибо тогда никто из земных царей не может избавить меня от Божия суда и вечной казни.

Услышав это, все постановили собрать VII Вселенский Собор и просили святого Тарасия, чтобы он не отказывался быть пастырем над ними. Они обещали ему во всем послушание, подобно тому, как овцы внимают гласу своего пастыря, ибо они были твердо уверены, что святой Тарасий может наставить на истинный путь словесное стадо. Таким образом, они склонили Тарасия восприять первосвятительский сан и управление Церковью Константинопольской. Посвященный последовательно во все иерархические степени, святой был возведен на патриаршество[9], имея крепкое упование, что Господь поможет ему истребить ересь иконоборцев.

С переменой положения святой Тарасий переменил и образ жизни, хотя и прежде, находясь в миру, он по духу был уже иноком; теперь же, заняв святительский престол, он с еще большей ревностью стал упражняться в духовных подвигах и сделался ангелом во плоти, пламенея духом, ревностно работая пред Господом, подчиняя свою плоть духу и умерщвлением ее достигая непорочной чистоты, которой облечены ангелы. Изумительно было его воздержание, велико было его пощение и неустанна бодрость; немногие часы он уделял на сон, по целым ночам пребывал в молитвах и размышлении о Боге, не имел мягкого ложа, избегал мягких одеяний. Никто из прислужников патриарха не видел, чтобы Тарасий снимал с себя пояс и одежды, когда хотел на немногое время подкрепить сном свои силы; никогда святой муж не заставлял кого-либо другого снимать обувь с его ног, памятуя слова Спасителя: "**Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили**" (Мф.20:28), и всегда был сам слугою себе, подавая другим пример смирения. К нищим и убогим он был весьма милостив, питал алчущих, одевал нищих, устраивал больницы и каждый день отпускал пищу со своего патриаршего двора, а в день Воскресения Христова и в другие праздничные дни устраивал для неимущих трапезу, во время которой сам прислуживал убогим. Кроме того, святой Тарасий устраивал странноприимницы и на средства, оставшиеся ему после родителей, устроил монастырь на Босфоре Фракийском[10], в котором собрал лик добродетельных иноков; из них многие достигли такого совершенства, что были призываемы на архиерейские престолы и являлись непоколебимыми столпами кафолической веры. Особенно же старался святой Тарасий о том, чтобы восстановить почитание святых икон и ниспровергнуть богохульную иконоборческую ересь. Посему он всегда напоминал царям, чтобы они созвали Вселенский Собор.

И вот царь Константин и царица Ирина, мать его, которая вследствие малолетнего возраста сына своего управляла тогда всем царством, вместе со святейшим Тарасием написали послания ко всем патриархам и епископам, призывая их на собор. Епископы из разных мест собрались в Царьград, патриархи же прислали своих наместников: римский папа Адриан[11] вследствие затруднительности далекого путешествия сам не прибыл на собор; а Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархи в то время уже находились под игом агарян, так что не имели возможности лично присутствовать на соборе; потому в качестве своих заместителей они прислали духовных лиц, отличавшихся своим благочестием и премудростью.

Местом для соборных совещаний была избрана великая церковь[12], воздвигнутая Константином Великим, первым царем христианским, и перестроенная и великолепно отделанная императором Юстинианом[13]; в сей церкви и собрались со святейшим Тарасием епископы и наместники прочих патриархов; здесь же присутствовал и юный царь Константин с матерью Ириною. Вдруг в храм ворвался многочисленный полк вооруженных воинов, последователей ереси иконоборческой, в которую они были вовлечены дедом

царским Константином Копронимом и в которой пребывали до сего дня. Побуждаемые тайно некоторыми епископами и вельможами, зараженными той же ересью, эти закоренелые в иконоборческих заблуждениях воины, вооружившись, пришли к церкви и устремились внутрь ее с великим воплем. "Не допустим, - кричали они, - чтобы вы отвергли догматы царя Константина[14]; пусть будет твердым и непоколебимым то, что на своем соборе он утвердил и законоположил; мы не допустим, чтобы в храм Божий вносили идолов (так они называли святые иконы); если же кто осмелится не повиноваться определениям собора Константина Копронима[15] и, отвергая его постановления, станет вносить идолов, то сия земля обагрится кровью епископов".

Видя такое волнение и возмущение, царица с царем подали знак епископам, чтобы те поднялись со своих мест, - и тогда все, бывшие на соборе, разошлись. Но по прошествии нескольких дней воины и их предводители были как следует наказаны благочестивой царицей Ириной, лишены воинского чина и разосланы по селам для обрабатывания земли. После этого место для заседаний собора было приготовлено в вифинском городе Никее[16]. Здесь уже происходил I Вселенский Собор созванный для осуждения ереси злочестивого Ария[17], здесь же решено было собраться и теперь. И вот сюда прибыли святейший Тарасий патриарх Константинопольский, и вместе с ним наместники патриаршие, коими были: от Адриана, папы Римского, - главный пресвитер римский Петр и другой Петр - инок, от Полициана, патриарха Александрийского[18] - священноинок Фома, от Феодорита Антиохийского[19] и Илии Иерусалимского[20] - священноинок Иоанн. Кроме этого, святой Тарасий взял с собою также некоего мужа из царских советников - Никифора, который по смерти святого Тарасия был возведен на патриарший престол за свою добродетельную жизнь. Всего же явилось на сей собор 367 святых отцов. Собравшись с ними в Никее, святейший патриарх Тарасий открыл заседания собора в самой большой церкви сего города[21].

Первое заседание VII Вселенского Собора происходило 24 сентября в день памяти святой первомученицы Феклы. Заседание открылось вступительной речью святого Тарасия, в которой он, изложив причины созвания собора, обратился к епископам с увещанием, чтобы они рассуждали справедливо и искоренили бы неправославныя учения, недавно внесенные в Церковь. Прочтено также было и царское послание к собору, в котором упоминалось о том, как патриарх Павел, умирая, советовал созвать собор для искоренения ереси иконоборцев. Святые отцы благословили царя и его мать за их великое попечение о православной вере. После этого приступили к слушанию выражений раскаяния со стороны епископов, впавших в ересь, которые анафематствовали свои прежние заблуждения и высказали православное исповедание веры. Один из них - Василий Анкирский[22] держа в руках этот свиток, читал: "Не почитающим святые иконы - анафема; именующим святые иконы идолами - анафема; приводящим изречения Священного Писания против поклонения святым иконам - анафема; отвергающим предания святых отцов, как отвергали их Арий, Несторий, Евтихий, Диоскор - анафема; утверждающим, что не от святых отцов исходит почитание икон, - анафема; утверждающим, что кафолическая церковь приемлет идолов, - анафема".

Также поступили и многие другие епископы, и всем покаявшимся епископам дано было место на соборе среди прочих епископов православных. Суд же над теми, которые колебались, был отложен на некоторое время. При этом святой Тарасий сказал: "Трудно поддаются излечению застарелые болезни и трудно искореняются злые нравы. Но если люди, недугующие духовно, истинно каются, то святой собор принимает их и не лишает их сана".

Святой собор продолжался 30 дней[23]; в это время участники собора, сходясь, рассматривали в Божественном Писании и в учении святых отцов и учителей Церкви те места, которые имели отношение к догмату о почитании святых икон, и на основании Священного Писания и церковного предания поражали зловерное мудрование еретиков. При этом они приводили достоверную историю о святом убрусе, на коем Христос Господь

изобразил святой лик Свой и послал его Авгарю Едесскому[24], который лишь только поклонился пред изображением, тотчас получил исцеление от болезни[25]; приводили на память также и предание об иконе святых Апостолов Петра и Павла, которую святой Сильвестр, папа Римский, показал царю Константину; говорили и об иконе Христовой, над коей надругались в Берите иудеи, за что и были наказаны; воспоминали, как об этом свидетельствует святой Афанасий. Когда читали повесть об этой иконе, все святые отцы плакали. Наконец, они прокляли ересь иконоборцев и утвердили почитание святых икон; великая радость была по сему случаю во святых церквах, которые принимали с сердечным ликованием утверждение иконопочитания, и весь народ торжествовал, провозглашая благие пожелания царям и пастырям. Так, великим попечением святейшего патриарха Тарасия и тщанием благочестивой царицы Ирины ересь иконоборцев была отвержена и попрана, и Церкви Христовой был дарован мир.

Святой Тарасий мудро правил Церковью Божией, был заступником обиженных, помощником находившимся в бедах. Так царский протоспафарий[26] Иоанн подвергся за некую вину заключению и жесточайшим пыткам; избавившись ночью от оков, он прибежал к храму и укрылся в трапезе церковной, умоляя о милости и об избавлении от смерти. Тогда святитель Божий Тарасий защитил его и не выдал пришедшим за ним воинам от царицы Ирины. Они стали стеречь его при дверях того храма днем и ночью, дожидаясь того времени, когда он выйдет. Ибо они думали, что он все-таки в конце концов принужден будет выйти из церкви. Но святитель Божий, посылая ему пищу от своей трапезы, дал ему возможность не выходить из алтаря церковного; когда же ему необходимо было выходить из храма, он сам провожал его, скрывая его под своей мантией, и потом снова возвращал его с такими же предосторожностями в церковь. Так действовал он долгое время и служил человеку тому, как раб, не гнушаясь такого дела. И пас добрый пастырь свою овцу, защищая ее от смерти; наконец, своей архиерейской властью смело святой Тарасий положил предел искательству тех лиц, которые хотели умертвить находящегося под его покровительством человека: он заявил им, что наложит на них отлучение от Церкви, если они будут продолжать преследовать заключенного. Так протоспафарий освободился от суда и избежал казни, благодаря заступничеству своего доброго пастыря святого Тарасия.

Между тем царь Константин, достигнув двадцатилетнего возраста, по навету злых своих советников устранил от власти мать свою, благочестивую царицу Ирину, которая мудро правила всем государством, и стал править единолично. При этом, освободившись от опеки матери, он предался излишествам и стал вести неблагопристойную жизнь. Он без всякого повода возненавидел законную супругу свою царицу Марию[27] и распалился преступной любовью к другой, по имени Феодотия; с нею он стал тайно жить и задумал сделать ее своей супругой и царицей, а законную свою супругу - заточить. Стараясь обвинить Марию, он возвел на нее ложную клевету, будто она хотела погубить его посредством отравы. Эту ложь царь всем выдавал за истину и всем рассказывал об этом. Царю поверили, и слух о намерении царицы отравить его распространился в народе. Весть об этом дошла и до святейшего патриарха Тарасия. Патриарх опечалился, уразумев коварство царя, ибо он твердо был уверен в невиновности царицы Марии. Поэтому он стал помышлять, как бы вразумить Константина и раскрыть ему его греховность и неправду. В это время к святейшему патриарху пришел один из любимых царских вельмож и стал ему передавать известие о том, как царица приготовила яд для царя, выдавая ложь за истину. В конце рассказа он прибавил: "Теперь тебе, святейший отец, надлежит благословить царя на новый брак с вернейшей супругой".

Эти слова сильно опечалили святого Тарасия; он даже прослезился и начал говорить так: "Если царь действительно замыслил то, что ты говоришь, если он на самом деле желает отлучить от себя Марию, которая сопряжена с ним по закону Божию и образует с ним одну плоть, то я не знаю, как перенесет он стыд и поношение от лица всех людей? Приводит меня в недоумение и то, как может он после того быть примером целомудрия для своих подданных, как может он возбуждать всех к воздержанию? Неужели он будет в состоянии

судить и казнить за грехи прелюбодеяния, сам будучи омрачен таким беззаконным вожделением? Допустим, что все сказанное тобой, - истина, но ведь следует же внимать гласу Господню: "**Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаст ей повод прелюбодействовать**" (Мф.5:32). Да и правда ли то, что царица приготовила для царя смертоносный яд? Ведь в таком случае разве мог быть у нее другой муж, более доблестный и красивый, чем наш государь, который отличается своей красотой и цветущей молодостью. Нет, я ясно вижу, что вся эта ложь направлена только на то, чтобы обесчестить честный брак, осквернить нескверное ложе и дать восторжествовать прелюбодеянию. Таков мой ответ, и не только мой лично, но и всех, подобных мне, пастырей и отцов. Возвести тем, кто послал тебя, что мы не верим сказанному тобою, мы скорее готовы перенести смерть и тяжкие муки, нежели дать благословение на такое беззаконное дело. Пусть царь знает, что нет нашего согласия на его неправедный умысел".

Услышав это, вельможа со скорбью оставил патриарха и возвестил царю все, что он слышал от блаженного Тарасия. На царя напало тогда раздумье, и дивился он такой твердости и неустрашимой ревности патриарха; он даже стал несколько бояться, как бы святой Тарасий не воспрепятствовал ему в достижении его намерения. Поэтому он решил призвать к себе святого мужа и принять его с честью, надеясь своими словами умягчить сердце патриарха и склонить его на свою сторону.

Святой Патриарх Тарасий пришел к царю вместе с честным старцем Иоанном, который был на VII Вселенском Соборе наместником от патриархов Антиохийского и Иерусалимского. Когда Константин и пришедшие к нему, по обычаю сели, царь обратился к патриарху со следующей речью: "Чрез посланника я сообщил уже тебе, честнейший отче, о том, что случилось с нами. Я почитаю и уважаю тебя как отца, посему ничего не хочу скрывать от тебя. Но мне кажется необходимым самому лично сообщить тебе о той вражде и о тех кознях, кои мне строит моя супруга. Не от Бога она дана мне; ибо ей надлежало бы быть моей помощницей, а она оказалась не помощницей мне, а злейшим моим врагом. Самый закон повелевает мне разлучиться с ней, и сему моему намерению никто не может воспрепятствовать. Ведь ее вина, ее злой умысел у всех на глазах. Посему она должна по определению суда или претерпеть смертную казнь, или же быть пострижена в иночество. Желая оказать ей милосердие, я готов ограничиться пострижением ее в монастырь: пусть она скорбит и раскаивается до самой своей смерти в своем прегрешении. Ведь она захотела умертвить отравой не простого человека, не чужого кого-либо, но своего супруга, царя, грозного для врагов. Если бы удался ее гнусный замысел, то все царство было бы охвачено немалым смятением, и о злодеянии ее пронесся бы слух по всей земле".

При последних словах царь дал знак слугам. Они немедленно принесли стеклянный сосуд, где находилась какая-то мутная жидкость. Царь показывал его святейшему патриарху, говоря, что это смертоносный яд, которым царица тайно хотела лишить его жизни.

При этом он добавил: "Нужно ли еще доказательство виновности царицы, когда мы имеем в руках это орудие ее злого умысла? Не ясно ли, чего она достойна? К чему же теперь отлагать нам суд над нею? Нет, отче, скорее посоветуй ей принять на себя пострижение, если хочешь видеть ее в живых. Я не могу более жить с ней в супружестве, не могу смотреть на нее, не могу переносить ее, ибо всегда у меня пред глазами сие смертоносное питье, которое она приготовила для меня".

Видя, что царь уязвлен нечистой похотью, и понимая, что он несправедливо обвинил неповинную и целомудренную царицу для удовлетворения своего желания, святейший Тарасий, не страшась, сказал ему:

- Царь, не воздвигай брани на закон, установленный Самим Богом, не восставай с тайным коварством против истины, прикрываясь лукавым измышлением, и преступая и разрушая заповеди Божии. Царю надлежит все делать явно, свободно, с чистой совестью; ничего не должен он предпринимать тайно и коварно против Бога, даровавшего ему венец царский, преступая Божественные повеления. Ясно для всех, что царица совершенно

невиновна в том, в чем ее обвиняют, будто она умышляла умертвить царя. Ибо кто может сравниться с тобою по красоте, кого бы она могла полюбить более тебя, чтобы возыметь злую мысль отравить тебя? Кто более тебя обладает властью и пользуется почетом, кто по своему благородству и по богатству выше тебя, почтенного царственной властью и честью и владеющего большими богатствами, - кого бы царица могла предпочесть? Велика держава твоя, ты превосходишь всех своим благородством, ибо отец твой, дед и прадед занимали царский престол; ты славишься во всех концах земли, и невозможно пересчитать твоих сокровищ. Кто же может быть лучше тебя для твоей царицы? Нет, царь, не может быть того, что говоришь ты, это - ложь, измышленная для подорвания твоей царской державы и на посмеяние народов, чтобы тебе быть притчею во языцех. Мы не дерзаем разрушить ваш законный супружеский союз, так как страшимся суда Божия, и не можем дать веры тем слухам, коими стараются оклеветать царскую супругу. Нет, мы не сделаем этого, хотя бы нам пришлось претерпеть мучения и страдания. Мы знаем, что ты имеешь греховное вожделение к некой женщине и даже хочешь сочетаться с ней беззаконным браком. Как можем мы почтительно относиться к тебе, царь, когда увидим, что ты явно нарушаешь заповеди Божии? Как можешь ты тогда входить в алтарь к Божественному престолу, чтобы вместе с нами причаститься Пречистых Христовых Таин? Свидетельствуем Самим Богом, что мы не можем допустить тебя в алтарь для Божественного причащения, хотя ты и царь. Ибо еще древним иереям было сказано: "Не давайте попирать алтаря моего".

Сказав это, святейший патриарх смолк. После него много увещевал царя вышеупомянутый старец Иоанн. Но царь не хотел их и слушать, а приходил в большой гнев и ярость. Недовольны были и все окружавшие царя сановники и властители. Один из них, патриций по своему происхождению, хвалился даже, что он своими руками всадит меч во чрево старца Иоанна за то, что он говорит противное воле царской. Исполненный гнева, царь приказал их обоих - и святейшего патриарха Тарасия, и честного старца Иоанна - с бесчестием изгнать из царского дворца. И ушли от него эти два мужа, изгнанные правды ради, подражая святому Иоанну Крестителю, который некогда обличил беззаконный брак Ирода[28]. Исходя, они оттрясли прах от своих ног и сказали: "Мы не ответственны в вашем беззаконии".

Царь же изгнал из своих палат законную царицу в женский монастырь, насильно постриг ее там, а сам отпраздновал брак с наложницей своей Феодотией, которая была дальней родственницей ему по отцу. Этот беззаконный брак совершил без ведома патриарха иконом церковный, пресвитер Иосиф, который за свое дерзостное деяние впоследствии был отлучен от Церкви. Святейший патриарх всячески старался расторгнуть этот прелюбодейный брак, но не мог, ибо царь похвалялся, что он снова воздвигнет ересь иконоборцев, если ему запретят этот брак. Поэтому святой Тарасий оставил царя пребывать в его беззаконии, чтобы Церковь Христову не постигло еще большее зло. Ибо святой патриарх всегда помнил, что отец, дед и прадед сего царя были еретиками-иконоборцами, избившими многих христиан за почитание святых икон. Царь, гневаясь на патриарха, всячески притеснял его, но святитель все это терпеливо переносил, благодаря Бога и поступая согласно со своим высоким саном архипастыря. Но чрез некоторое время царя постигла Божия кара. Мать его, благочестивая царица Ирина, уже давно видела злое и беззаконное житие его; она видела, как сын ее попирает закон Божий и готов воздвигнуть снова иконоборство. Более любя Бога и Его правду, чем своего собственного сына, она, посоветовавшись с главнейшими сановниками, восстала на сына своего, взяла его под стражу и заключила в том дворце, где он родился и который был известен под именем Порфириева дворца. Потом она приказала ослепить его, подобно тому, как пять лет тому назад он ослепил трех братьев своего отца: Никиту, Анфима и Евдоксия. Так царь, получив наказание по своим делам, умер от болезни. А Ирина снова приняла царский скипетр и исправила все то, что пришло в расстройство в царствование ее сына.

С того времени святой угодник Божий Тарасий пребывал в мире и тишине, ревностно пася словесное свое стадо и управляя Церковью, очищенной от еретиков. С самого дня своего посвящения, он ежедневно сам совершал божественную литургию и никогда не оставлял этого обычая, разве только по болезни. Когда святой достиг преклонного возраста, он впал в недуг телесный. Даже чувствуя приближение своей кончины, святейший патриарх Тарасий не оставлял своего обыкновения, пока не сделался настолько слаб, что уже не мог подниматься с одра. Лишь тогда только он перестал сам совершать божественную литургию.

При своей кончине святой Тарасий боролся с нечистыми духами и победоносно поражал их. Когда они, исследуя жизнь его с самой юности, старались ложно приписать ему много неправедных дел, он отвечал им: "Я неповинен в том, о чем вы говорите; вы ложно клевещете на меня; нет у вас надо мной никакой власти".

При этом был описатель жития его Игнатий, епископ Никейский, бывший тогда еще диаконом. Наклонившись к болящему, Игнатий слышал эти слова святого. Когда уже святой Тарасий не мог владеть языком, он рукой отгонял бесов и преодолевал их. При исходе дня, когда по обычаю воспевали псалмы Давидовы и начали петь этот псалом: "**Приклони, Господи, ухо Твое и услышь меня**" (Пс.85:1), святой Тарасий мирно предал Господу святую свою душу, причем лицо его просветлело. Этот святитель пас Церковь Божию 22 года и скончался в царствование императора Никифора[29], взошедшего на престол после Ирины. Царь, весь народ, вельможи, духовные и миряне, а особенно нищие и убогие, сироты и вдовицы, сильно скорбели о нем. Ибо ко всем он был милостив, ко всем относился, как добрый пастырь, любвеобильный отец и опытный наставник, каждому помогал в бедах и несчастиях.

Честное тело святого Тарасия погребли в устроенном им же самим монастыре на Босфоре, и многие получали исцеления от его гроба.

Такова, например, одна женщина, страдавшая много лет кровотечением. Так как в тот монастырь был возбранен вход женщинам, то она вошла в монастырь, одевшись в мужские ризы. С верой она коснулась гробницы святейшего Тарасия, взяла елей из лампады, висевшей пред гробницей, - и тотчас же получила исцеление от своего недуга. То же делали и другие женщины, - и все исцелялись от своих недугов. Некий муж, видевший одним только глазом, получил исцеление у гроба святого, когда помазал свое невидевшее око елеем из лампады. Один сухорукий, придя с верою, помазал елеем свою руку и получил исцеление. Много и других недужных получали исцеление по молитвам святого Тарасия; исцелялись от своего недуга также и бесноватые.

Этот великий ревнитель православия вооружался против еретиков иконоборцев не только при жизни, но даже и после своей кончины. При Льве Армянине[30], царе греческом, иконоборческая ересь опять возымела силу, вследствие того, что сам царь покровительствовал ей. Святой Тарасий явился в сонном видении Льву и с великим гневом повелел некоему воину Михаилу ударить мечом этого зловерного царя. Тот ударил и пронзил царя. В страхе и трепете пробудился Лев от такого сна и сильно недоумевал. Думая, что в монастыре святого Тарасия находится какой-либо Михаил, который злоумышляет на его жизнь, он послал туда узнать об этом Михаиле. Он не знал, что этот Михаил был при нем, - это был воевода по прозванию Валвос или Травлий[31], который потом поразил царя мечом в самый день Рождества Христова. Так погиб сей злочестивый царь, будучи побежден молитвами святого Тарасия, утверждающего веру в Пресвятую Троицу. Аминь.

Кондак, глас 3:

Православными догматы церковь уяснив, и Христову, блаженне, честную икону почитати и покланятися всех научив, обличил еси иконоборцов безбожное веление. Сего ради вопием ти: о отче, радуйся мудре Тарасие.

---

1 Патрициями называлось высшее сословие в Римской, а потом и в Византийской империи, соответствовавшее нашему родовитому дворянству.

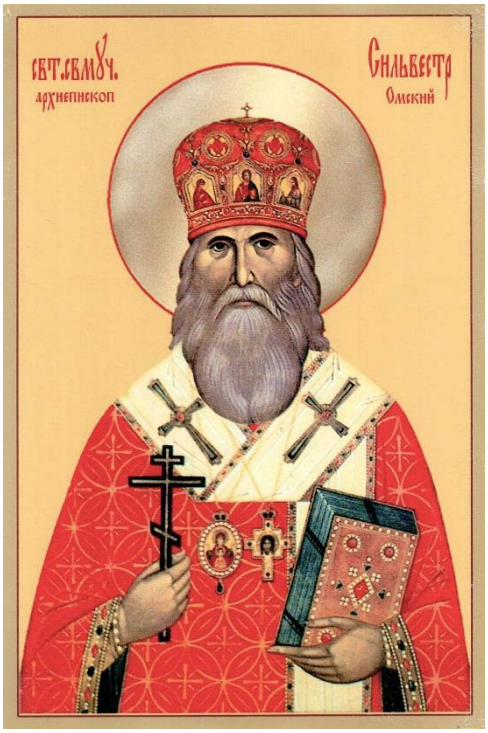
2 Константин VI Порфирородный царствовал с 780 по 797 г.
3 Лев IV Хозар царствовал с 775 по 780 г.
4 Константин V Копроним занимал царский престол с 741 по 775 г.
5 Мать императора Константина была супругой Льва Хозара. По воцарении своего сына она в продолжение 10 лет, до 790 г., управляла государством вместо него; потом, по низложении Константина, она царствовала до 802 года.
6 Это был Павел IV, который занимал патриаршую кафедру с 686 по 693 г.
7 Лев III Исаврянин царствовал с 716 по 741 г.
8 Это объясняется тем, что Ирина издала тогда указ с объявлением общей свободы совести. По распоряжению императрицы иконы были опять поставлены на свои места и среди восторженного народа ходило много рассказов о минувших страданиях и чудесах.
9 Святой Тарасий занимал патриарший престол с 784 по 806 г.
10 Так называется пролив, соединяющий Черное море с Мраморным. На берегу Босфора расположен Константинополь.
11 Папа Адриан I занимал римский апостольский престол с 772 по 795 г.
12 Разумеется храм св. Софии, главный соборный храм Константинополя.
13 Император Юстиниан I царствовал с 527 по 565 г.
14 Здесь разумеется Константин Копроним, дед Константина Порфирородного.
15 Этот собор происходил в 754 г. в царском дворце близ Константинополя на азиатском берегу Босфора. Собор провозгласил, что иконопочитание есть то же, что идолопоклонство, и определил удалить из церквей все иконы.
16 Вифиния - северо-западная провинция Малой Азии, по берегу Мраморного моря, Босфора и Черного моря. Никея (ныне Испак) - в древности богатый и цветущий город Вифинии.
17 Это было в 325 году.
18 Полициан, патриарх Александрийский, скончался в 801 году.
19 Антиохийский патриарх Феодорит занимал патриаршую кафедру с 777 по 794 г.
20 Илия III, патриарх Иерусалимский, скончался в 797 году.
21 Это было в 787 году.
22 Анкира - город во Фригии, срединной провинции Малой Азии.
23 Последнее заседание собора происходило 23 октября.
24 Едеса - город в северо-западной части Месопотамии, за рекой Евфратом. Авгарь был князь или властитель едесский.
25 Сказание об этом приводит Евсевий, епископ Кесарии Палестинской († 383), знаменитый историк древней христианской Церкви, который заимствовал его из древних письменных записей, хранившихся в общественных бумагах города Едесы.
26 Протоспафарий - начальник царских телохранителей, или оруженосцев, которые назывались спафариями (от спафи - оружие, меч).
27 Благочестивая царица эта была внучкой святого Филарета Милостивого, см. жития святых, месяц декабрь, 1-е число.
28 Здесь разумеется Ирод Агриппа, сын Ирода Великого, властитель Галилеи и Заиорданской области, сочетавшийся браком о Иродиадой, женой Филиппа, брата своего, при жизни последнего.
29 Император Никифор I царствовал с 802 по 811 г.
30 Император Лев V Армянин занимал византийский престол с 803 по 820 гг.
31 Наименование: Валвос (Балба) - греческое, а Травлий - латинское. По-русски то и другое значит: Косноязычный. Этот Михаил сделался впоследствии императором и царствовал с 820 по 829 г.

Исповедник Сильвестр (Ольшевский), архиепископ Омский

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской
26 февраля - Собор святых Омской митрополии
10 марта (переходящая)
16 июля - Обретение мощей
18 ноября - Память Отцов Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.

Священноисповедник[1] Сильвестр родился 1 июня 1860 года в селе Косовка Сквирского уезда Киевской губернии в семье диакона Льва Ольшевского и в крещении был наречен Иустином.



Когда пришло время, родители определили Иустина в Киевскую Духовную семинарию, где он обратил на себя внимание начальства прилежанием к богословским наукам, добрым нравом, молитвенной настроенностью души, и юношу рекомендовали в чтецы к знаменитому богослову-догматисту, профессору академии архимандриту Сильвестру (Малеванскому), впоследствии епископу Каневскому, викарию Киевской епархии и ректору Духовной академии. Архимандрит Сильвестр имел слабое зрение, и в обязанности чтеца входило чтение ему вслух сочинений богословского характера. Иустин был в это время, как он сам как-то выразился, «очами и пером» ученого-богослова и монаха-подвижника. При ближайшей технической помощи Иустина Ольшевского архимандритом Сильвестром были написаны первые два тома из пятитомного труда «Догматическое богословие».

Совместная работа в течение длительного времени сроднила ученика и учителя, установила между ними прочную связь, которая осталась неизменной до самой блаженной кончины епископа Сильвестра. Большое воспитующее влияние оказал на юношу и подвижнический образ его жизни. Архимандрит Сильвестр имел твердый, решительный, но чрезвычайно добрый характер и проводил жизнь аскета-подвижника и ученого-трудолюбца, отличался милосердием, и если у него появлялись какие-либо материальные средства, то он их всегда раздавал неимущим. После смерти он не оставил никакого состояния, а имевшиеся скудные средства и пенсию завещал употребить на свое погребение и поминовение и раздать нищим.

Счастливая близость Иустина Ольшевского к такому подвижнику, каким был архимандрит Сильвестр, способствовала выработке и углублению его собственного религиозно-нравственного мировоззрения, помогла ему избежать юношеских блужданий и в дальнейшем шествовать по узкой, но твердой стезе – сначала православного миссионера, затем священника, а впоследствии и архипастыря.

В 1883 году Иустин окончил Духовную семинарию. В том же году архимандрит Сильвестр рекомендовал одаренного, трудолюбивого и высоконастроенного юношу к поступлению в Киевскую Духовную академию, которую тот окончил в числе первых кандидатов в 1887 году, во все время обучения пользуясь духовным и научным покровительством владыки Сильвестра.

Другим обстоятельством, определившим последующие занятия Иустина, стало близкое знакомство с различными рационалистическими и мистическими сектами. Во время обучения в семинарии и академии он все каникулы проводил в своей семье, в селе, где служил его отец. Село и весь район были заполонены штундистами. Молодой богослов заинтересовался этой, тогда еще новой, сектой и, учась в академии, начал внимательно исследовать мировоззрение сектантов, их быт, с тем чтобы знать, каким образом может успешно воздействовать на них православный миссионер.

Видя, с какой быстротой распространяются различные секты и сектантские учения, Иустин Ольшевский принял решение сразу же после окончания академии посвятить себя служению миссионерскому делу. 27 октября 1887 года он был назначен учителем церковноприходской школы в селе Липовка Киевского уезда; 15 января 1888 года –

переведен преподавателем Закона Божия в двухклассное министерское училище в местечке Шпола того же уезда, одного из беднейших в губернии, почти целиком зараженного штундизмом.

Основательно ознакомившись с учением секты, Иустин Львович пришел к мысли, что деятельность светского миссионера может принести больше плодов, чем миссионера из духовенства. Он письменно изложил свои соображения по этому поводу в докладной записке митрополиту Киевскому Платону (Городецкому).

Соображения и доводы, изложенные в записке, были полностью приняты, и 7 марта 1889 года Иустин Львович был назначен миссионером Киевской епархии и утвержден учителем церковно-приходской школы Киевского Свято-Владимирского Братства. Для того времени назначение епархиальным миссионером лица светского звания было большой редкостью, встречались лишь единичные случаи, подобные миссионерскому служению Константина Голубева в Саратовской епархии, – обычно это было связано с выдающимися качествами самого миссионера.

В результате практической деятельности Иустина Ольшевского на поприще просвещения сектантов и обличения их лжеучений появился его труд под заглавием «Обличение штунды в библейских текстах». Этот труд многократно впоследствии переиздавался и явился ценнейшим пособием для миссионеров и пастырей.

В 80-90-х годах XIX века во многих епархиях стремительно множились секты, не составляла исключения и епархия Полтавская; сюда в это время был назначен епископом выдающийся церковный деятель и подвижник преосвященный Илларион (Юшенов). В бытность свою наместником Киево-Печерской Лавры преосвященный Иларион познакомился со студентом академии Иустином Ольшевским. Последний, тяготея к монашескому образу жизни, часто посещал Лавру, ее святыни, монашескую братию и ее благочестивого наместника.

Став Полтавским епископом, преосвященный Иларион в 1890 году пригласил Иустина Львовича преподавать всеобщую и русскую гражданскую историю в Полтавской Духовной семинарии, а также исполнять послушание епархиального миссионера. С этого времени его более чем двадцатилетняя миссионерская деятельность была связана с Полтавской епархией.

Будучи миссионером и общаясь с самыми широкими слоями народа, Иустин Львович приобрел опыт, какой не всегда бывает у приходского священника. Его слушателями были и непоколебимые в вере православные, и колеблющиеся в своих убеждениях, и вовсе отпавшие от веры, и раскольники, именующие себя старообрядцами, и сектанты, и даже малочисленные еще в то время толстовцы. Свои наблюдения, соображения и предложения, касающиеся сектантского движения и его опасности для православия, Иустин Львович изложил в пространном докладе под названием «Задачи нашей противосектантской миссии», который он прочел на публичном заседании Полтавского Комитета Миссионерского Общества. Имея прекрасную богословскую подготовку, а также большой опыт работы с сектантами, он исчерпывающе обосновал причины возникновения сектантского движения в России, причины его успеха, а также указал меры по преодолению этого пагубного явления.

Известный миссионер и чиновник особых поручений при Святейшем Синоде В.М. Скворцов, вспоминая впоследствии о времени, когда ему вместе с Иустином Львовичем пришлось начинать миссионерское дело в Киевской и Полтавской епархиях, писал: «Мы с Иустином Львовичем Ольшевским являемся передовыми по времени деятельности миссионерами. Я в Киеве несколько раньше выступил на непроторенную миссионерскую стезю, Иустин Львович – немного позже. Он первый из ученых – кандидатов Духовной академии – взял на себя научную разработку штундизма, и его работы сохраняют свою свежесть и высокую ценность и в настоящее время. Его записка о миссионерстве... напечатанная в “Руководстве для сельских пастырей”, открывает собой эру в истории нашей внутренней миссии.

До того времени считали, что миссионерами могли быть лишь лица, облеченные священным саном. И в это время мы с Иустином Львовичем выступили на непроторенную дорогу. Тогда не было ясно и точно выражено учение штундистов, приходилось идти ощупью, самим прокладывать путь... Самому ходить в собрания штундистов и здесь на опыте убедиться, что полученными в академии знаниями не всегда можно успешно отразить нападки штундистов. Они мыслят и толкуют слово Божие иначе, чем мы, и для успеха миссии среди них нужны особые приемы. Для достижения своих целей и унижения духовенства они не брезгают никакими средствами. Вот один из многих примеров. В конце беседы штундист обращается к отцу благочинному с просьбой написать приходскому священнику – истолковать им семнадцатую главу Послания к римлянам. Благочинный удовлетворил просьбу. Нужно было видеть радость штундистов, когда они получили для передачи записку об истолковании несуществующей главы.

Много причин появления и развития штунды. Одной из них является небрежение духовенства к своему высокому служению. “Нам, спящим”, враг всеял плевелы, и они утвердились и разрослись за счет православных. В первые годы моей миссионерской практики пришлось иметь неприятное дело с фактом укрывательства штунды. В Киев начали доходить слухи, что в весьма населенном местечке Богуславе неблагополучно, что сильное штундистское движение захватывает православное население. На запрос епархиального начальства местный отец протоиерей ответил, что там всего два штундиста. Когда я поехал туда, то оказалось, что их там двести и две трети прихода колеблющихся.

И вот в эту пору выступил на миссионерское поприще Иустин Львович Ольшевский и начал печатать в “Руководстве для сельских пастырей” свое “Обличение штундизма в библейских текстах”.

Эти миссионерские записки тогда обратили внимание всех заинтересованных в борьбе со штундой. Теперь эта книга вышла вторым изданием и, как написанная лицом, стоявшим у живого дела, сохраняет полную ценность и в настоящее время».

Наблюдая сектантское движение и его развитие в государстве и среди народа, Иустин Львович увидел масштаб и значение той угрозы, которая нависла со стороны сектантства над русским народом и над самим существованием государства.

В публичной речи, обличая штундистские заблуждения, Иустин Львович сказал: «Всем видно и известно, что те из славянских народов, которые неизменно верны остались Православию, каковы русские, черногорцы, сербы, болгары, Господь благословил государственной самостоятельностью и всяким благополучием. Наоборот, остальные славяне (чехи, поляки, хорваты) потеряли Православие, но вместе с тем потеряли и государственную самостоятельность, должны были подчиниться, и теперь подчиняются влиянию и власти чужих народов, именно немцев, для которых чуждо и даже неприятно благополучие славян. Когда-то жили славяне на берегах Балтийского и Немецкого морей, но и их теперь уже нет: вместе с потерею Православия они потеряли и самое существование свое. Таким образом в судьбах славянских народов Господь ясно показал, что только при верности Православию славянам обеспечено государственное благополучие и что с потерею Православия славянам угрожает наказание Божие в виде потери государственной самостоятельности...

И вот... в это время среди нас находятся люди, которые без сожаления, со злорадством меняют полученную от предков святую православную веру на веру, чуждую нам, выдуманную немцами недавно, известную под именем штунды и баптизма... Эти люди проматывают полученное от предков дорогое наследство – святую веру, проматывают на пользу, на радость, на потеху нашим внешним и внутренним врагам... Что может быть печальнее этого?

Теперь вы видите, что эти отступники, штунда разных наименований, суть изменники и враги святой Церкви, изменники и враги государства, изменники и враги всего славянства. Посему на всех нас, славянских сынах Православной Церкви и Русского государства, лежит

прямая обязанность бороться со врагом – штундой. К борьбе призывает нас долг веры, долг гражданский и мощное слово нашего Государя. Поэтому соединенными усилиями будем поборать врага: кто словесным увещанием и вразумлением заблуждающихся, кто ограждением своих ближних и дальних от проникновения к ним сектантской заразы, кто путем прямого пресечения сектантских действий посредством законных мер. Будем верить, что в сем святом деле поможет нам Сам Господь!»

Иустин Львович вполне сознавал, насколько большая ответственность лежит на православном русском народе перед народами, хотя и входящими в единое с ним государство, но еще не просвещенными спасительной Христовой верой. Выступая с докладом в общем собрании Полтавского Миссионерского Общества, Иустин Львович сказал: «Кто искренне предан и любит свою православную веру, тот не должен оставаться равнодушным при виде целых областей и племен, входящих в состав нашего обширного отечества и доселе остающихся в язычестве, – по мере своих сил он должен оказывать содействие в обращении их ко Христу. Научение есть величайшее проявление христианской любви и милосердия к ближнему. “Просветить народы, сидящие во тьме и сени смертной, верою в Иисуса Христа есть высокое назначение народа Российского; племена инородческие преданы ему Провидением для того, чтобы он передал им тот же дар Божий (святую веру), который самому ему передан от народа, предварившего нас в Царствии Божием”, – справедливо говорит один знаменитый наш миссионер – архимандрит Макарий (Глухарев)*.

Но миссионерство наше, кроме значения религиозного, имеет чрезвычайно великое значение и государственное. “В состав обширного русского царства входит много разных племен и народностей – магометан и язычников; исторические судьбы нашего отечества и в последнее время складываются так, что русское владычество продвигается все далее и далее в глубину Азии, подчиняя себе все новые и новые иноверные племена и народности. Но стоит существенная нужда связать внутренним образом эти племена с русским государством и народом, сделать их своими для нас. И вот многовековой опыт нашей же собственной истории непреложно свидетельствует, что приобщение инородцев к русской гражданственности происходит вернее и успешнее всего путем обращения их в христианство; святая вера Христова могущественнее всяких других средств смягчает и преобразует их понятия, нравы и образ жизни и сближает их с русским народом”. Для культурного развития и органического слияния с нами в одно политическое тело необходимо насаждение среди них православного христианства. У нас происходит, таким образом, как раз обратное тому, что называют на Западе “культурной борьбой”; у нас православное миссионерство есть, таким образом, деятельность не только во славу имени Христова, но вместе с тем – на пользу и благо государства. О, если бы это убеждение стало достоянием всего православно-русского общества!»

Как прекрасно зарекомендовавший себя и опытный миссионер, Иустин Львович был направлен на 2-й миссионерский съезд, проходивший в июне 1891 года в Москве.

Исполняя послушание епархиального миссионера, Иустин Львович постоянно командировался в села Полтавской епархии, где приходские священники не могли справиться с растущим сектантским движением. В январе 1892 года он побывал в миссионерских командировках в селах Герклев и Еремеевка Золотоношского уезда. Епархиальным начальством было признано, что миссионерские поручения им были исполнены с большим успехом.

Увидев в лице Иустина Львовича столь ревностного труженика, епископ Полтавский Иларион предложил ему принять сан пресвитера. Иустин Львович согласился с предложением преосвященного, но с условием, что ему будет разрешено посвящение в сущем состоянии, то есть неженатым. На запрос преосвященного Святейший Синод дал свое разрешение, и 2 февраля 1892 года, в праздник Сретения Господня, преосвященный Иларион, епископ Полтавский, при совершении Божественной литургии в Свято-Троицкой

семинарской церкви рукоположил миссионера во священника к полтавскому кафедральному Успенскому собору.

Впоследствии в отчете о многолетней миссионерской деятельности отца Иустина «Полтавские епархиальные ведомости» писали, что когда отец Иустин принял священный сан в сущем состоянии, то «сразу же повел жизнь истинного монаха в миру; этот великий жизненный шаг его встречен был духовенством с некоторым недоверием. Но шли годы, и это недоверие сменилось чувством беспредельного уважения. Стало ясно, что отец Иустин являет в своем лице пастыря высокого христианского душенастроения и мировоззрения, пастыря исключительной силы воли и характера. Отсюда начинается его огромное духовное влияние на пастырство епархии, которому он светил нравственным светом своего христианского жития. Миссионерская деятельность отца Иустина еще более сближала его с духовенством в трудах на ниве Божией, укрепляя чисто пастырские связи с ним».

Для полтавской паствы и духовенства оказалась особенно значима и многоценна деятельность отца Иустина по организации богословских чтений для интеллигенции и его личное в них участие. Прочитанные на этих чтениях лекции составили глубоко содержательную книгу под названием «В вере ли вы?». Памятником просветительской деятельности отца Иустина в Полтаве стало созданное по его инициативе «Братство законоучителей и педагогов в память отца Иоанна Кронштадтского», которым он руководил в течение многих лет. По его инициативе и при его участии был издан Переяславский Полтавский Патерик, а также его собственные труды: «Обличение штундизма в библейских текстах», «Борьба со штундой» (по просьбе Киевской духовной консистории это издание было разослано во все приходы Киевской епархии), «Миссионерская программа Закона Божия», которая была одобрена 3-м Всероссийским миссионерским съездом и принята к исполнению первым чрезвычайным собранием Училищного совета при Святейшем Синоде.

7 декабря 1893 года за плодотворный миссионерский труд отцу Иустину была выражена благодарность с внесением в формуляр от епархиального архиерея.

1 апреля 1894 года отец Иустин был перемещен на кафедру гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей Полтавской Духовной семинарии. 3 сентября епископом Полтавским была выражена благодарность отцу Иустину за его ревностные труды по руководству священников в борьбе со штундою; 15 октября 1896 года он был назначен епархиальным наблюдателем церковных школ Полтавской епархии.

Отец Иустин был истинным нестяжателем и, не имея ничего из имущества, проводил жизнь строго монашескую; он жил в скромной келье при монастырской гостинице, все свое время отдавая молитве, чтению слова Божия, объездам епархии, руководству вверенных ему школ и многочисленным миссионерским беседам. Летние каникулы отец Иустин посвящал сугубому молитвенному подвигу и паломничеству на Святую Землю или в русские обители, но когда на время каникул выпадали миссионерские съезды, он принимал в них деятельное участие. Все всероссийские и местные миссионерские и церковно-школьные съезды имели его своим участником. В это время им была издана программа миссионерских дополнительных уроков по Закону Божию, которая стала первым руководством для законоучителей-миссионеров.

Особое отношение было у отца Иустина к школе и детям. По внешнему своему положению он не был монахом, и некоторые, не зная его хорошо, спрашивали о его семье и детях. Таковым он неизменно отвечал, что насчитывает у себя до пятидесяти тысяч богоданных ему детей. Для школьного персонала он был непосредственным начальником, но его никто не боялся как начальника. Посещение им школы никогда не воспринималось учителями как ревизия их деятельности – его встречали, как самого дорогого гостя. Учителями его визиты воспринимались как долгожданная награда за их тяжелый труд. Он приносил в школу богатство знаний, которыми спешил поделиться, богатство личного опыта и высокого духовного настроения. Не только учителя, но и дети с трепетом и нетерпением ожидали приезда отца Иустина.

Пробыв весь день в школе, он вместе с учащими и учащимися выслушивал вечерние молитвы. После молитв все брали благословение, но никто не расходился, никому не хотелось уходить. Все как будто ожидали чего-то. И здесь раздавался робкий голос какой-нибудь ученицы: «Отец Иустин, расскажите нам что-нибудь! Пожалуйста!» Все присоединялись к просьбе, отец Иустин садился, и все быстро и бесшумно рассаживались вокруг него. И батюшка начинал рассказ о Святой Земле, о Почаевской Лавре, о Соловецком монастыре, об Оптиной пустыни, о монастыре Валаамском, о святителе Феофане Затворнике, о преподобном Серафиме Саровском, о преподобном Амвросии Оптинском, о святом праведном Иоанне Кронштадтском, которого он знал лично и с которым ему посчастливилось совершать Божественную литургию, и о многих других святых и подвижниках. Так за глубоко поучительными и назидательными рассказами время незаметно приближалось к полуночи, и батюшка уже сам напоминал, что детям пора спать.

Отец Иустин ревностно старался воспитывать в себе христианина по примеру прошлых и ему современных подвижников, все это чувствовали, и потому так значительно было его нравственное влияние на учащихся. После его посещения они преисполнялись силы и стремления стать лучше, быть усерднее и внимательнее к молитве, к своему внутреннему миру, к своему делу и к своим поступкам.

В адресе, поднесенном отцу Иустину к 15-летию его церковно-школьной работы, его деятельность была охарактеризована так: «По градам и весям, по далеким и захолустным окраинам нашей епархии Вы разносили горячий призыв к дружной работе и, проясняя в сознании духовенства священную миссию нашей школы, Вы незаметно вкладывали первые кирпичи в фундаменты тех школьных зданий, сетью которых с такой поразительной быстротой покрылась наша Полтавская епархия. Но еще более ярко и выпукло выступают Ваши великие заслуги в деле созидания духовной сущности, духовной сердцевины нашего школьного дела. Из богатой сокровищницы своей души Вы щедро вливали в нашу школу живые потоки благоуханной молитвы и того благоговейного духа церковности, который неотъемлем и неотделим от Вашей личности. И такое Ваше глубокое духовное влияние отобразилось на всем внутреннем и внешнем складе бытия нашей школы. Как от центра к своим периферияам, от Вашей личности широко распространялись лучи Вашего душенастроения и мировоззрения. И эти лучи ярко светили работе и в просторных помещениях городских школ, и в убогих избах школ грамоты. Под незримым действием этой духовной оживляющей силы росла и крепла наша школа, храня непоколебимую верность той священной идее, которая заложена в основу ее бытия...

С удивительной душевной чуткостью, с неизменной отзывчивостью и глубоким проникновением, всегда и всюду Вы шли навстречу вопросам и интересам нашего школьного дела, вместе с нами переживая и его радости, и его скорби. Ваше бережное, любовное отношение к школьным работникам так часто поднимало в них энергию, пробуждало святые порывы и обогревало порой иную иззябшую душу...»

Дополняя эту характеристику, «Полтавские епархиальные ведомости» писали о миссионере-подвижнике: «Как человек высокого религиозного настроения, устремившийся к возобладанию истинной свободой духа, отец Иустин и в практической деятельности своей остался совершенно чуждым холодному, бездушному формализму.

Чарующая простота обращения, искренность, сердечная отзывчивость – вот основные черты его служебных отношений. Если отцу Иустину приходилось сталкиваться с опущениями и с явным нерадением к школьному делу, он не умел возвышать голоса, но мягкий деликатный укор в его устах почти всегда скорее достигал цели, чем грозные окрики и доносы. Мерилом для оценки личности церковно-школьного работника для отца Иустина являлось прежде всего искреннее увлечение и преданность церковно-школьному делу: раз наличность этих качеств была вне сомнения, отец Иустин готов был покрыть своею любовью и некоторые недочеты в учебном деле. Но была область, где отец Иустин не терпел ни малейшего отступления от установленных им норм, – это область религиозно-нравственного воспитания детей.

Никакие успехи в ходе учебного дела не могли подкупить отца Иустина в пользу школы, слабо выполнявшей свою религиозно-воспитательную миссию. А в распознавании истинного характера школы у отца Иустина выработалось удивительное чутье. Достаточно было ему провести один-два часа в школе, чтобы безошибочно верно определить ее дух и направление.

Уклонение священника от законоучительства в церковной школе причиняло отцу Иустину сильнейшее огорчение, в особенности если наряду с этим труд священника отдавался земской школе. В подобных случаях отец Иустин прилагал все свои усилия к тому, чтобы нравственным воздействием прояснить в сознании священника значение церковной школы и подвигнуть его к церковно-школьной деятельности. И бывали примеры, что священник, совершенно холодный к церковно-школьному делу, после задушевных бесед с отцом Иустином становился деятельным церковно-школьным работником.

С особенной нежностью и лаской отец Иустин относился к детям, которых любил безгранично. Дети инстинктивно чувствовали это и в присутствии его не обнаруживали ни малейшей тени смущения или робости, что, конечно, отражалось и на их ответах. Неудивительно поэтому, что всякое посещение отца Иустина являлось истинным праздником для школы. Вместе с отцом Иустином в школьную атмосферу проникала свежая, бодрящая струя тепла, ласки и нравственного освежения. И чем дальше шло время, тем глубже и прочнее становились духовные связи отца Иустина с церковно-школьной семьей...»

12 мая 1902 года определением Святейшего Синода священник Иустин Ольшевский был награжден саном протоиерея.

В этот период епархиальное начальство, видя его ревностную деятельность на церковном поприще, а также высоконравственный образ его жизни, неоднократно предлагало ему принять сан архиерея, но отец Иустин по своему смирению всякий раз отклонял это предложение. Только в конце 1910 года, после двадцатилетнего служения на поприще епархиального миссионера, восемнадцатилетнего служения в сане пресвитера, он наконец дал свое согласие на возведение в сан епископа. Радостным для епархии стало известие о призвании отца Иустина к святительскому служению. В глазах верующего народа, перед которым проходила вся жизнь и деятельность пастыря-подвижника, он уже давно почитался достойным этого ответственного сана.

Архиепископ Полтавский Назарий (Кириллов) призвал протоиерея Иустина Ольшевского принять иночество и ходатайствовал о назначении к себе викарным епископом. 10 декабря 1910 года Святейший Синод распорядился назначить протоиерея Иустина Ольшевского епископом Прилукским, викарием Полтавской епархии с пострижением в монашество. 23 декабря 1910 года архиепископ Назарий постриг протоиерея Иустина в мантию с наречением ему имени в память преподобного Сильвестра Печерского, а 25 декабря, в праздник Рождества Христова, иеромонах Сильвестр был возведен в сан архимандрита.

В субботу 15 января 1911 года в Санкт-Петербурге в зале заседаний Святейшего Синода произошло наречение архимандрита Сильвестра во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии.

По наречении его во епископа архимандрит Сильвестр произнес слово, которое произвело на присутствующих огромное впечатление как по тому, с каким чувством оно было произнесено, так и из-за его содержания, оказавшегося пророческим относительно его собственной будущей участи. Архимандрит Сильвестр сказал: «Когда впервые надели на меня священнослужительские одежды, я со всей силой почувствовал значение сих евангельских слов: Егда был еси юн, поясался еси сам, и ходил еси, аможе хотел еси; егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет, и ведет, аможе не хощеши (Ин.21:18). Когда я был более юн, действительно, поясался сам и ходил, аможе хотел, путями собственными, неуготованными. Ныне наступает время, дабы Ин поясал меня и вел.

С двух сторон нас ведут и влекут. По слову Апостола, плоть желает противного духу, а дух – противного плоти (Гал.5:17). О, как сильно ныне влечение плоти и мира, вооруженных совершенным состоянием наук, искусств и всякой техники! Мир тянет на свою сторону всеми средствами, до телесного насилия включительно, – и отторгает наследие Божие. Мирская зараза проникает ныне в богословскую науку и в клир. Ныне более чем когда-нибудь христианская Церковь подобна кораблю, обуреваемому великим волнением житейского моря. Для верных наступают времена исповедничества. Вот с какой стороны теперь ин пояшет и ведет, аможе не хощеши.

Трудно и страшно ныне архипастырствование».

На следующий день, в воскресенье 16 января, в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась хиротония архимандрита Сильвестра во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии. По окончании литургии, вручая жезл новопоставленному архиерею, митрополит Московский Владимир (Богоявленский) обратился к нему со словом, призвав его к стойкости и любви к правде в настоящее трудное время.

В понедельник преосвященный Сильвестр совершил первое архиерейское богослужение, во вторник – раннюю литургию в храме Иоанновского монастыря, где был погребен святой праведный Иоанн Кронштадтский. В Полтаву преосвященный Сильвестр прибыл в субботу 22 января в три часа пополудни.

Чем больше проходило времени, тем яснее виделось значение его трудов в Полтавской епархии. В 1911 году епархиальный съезд учредил при Полтавском и Лубенском женских епархиальных училищах две стипендии имени протоиерея Иустина Ольшевского, в память о его деятельности. Духовенство решило отметить его деятельность устройством религиозно-просветительского дома имени протоиерея Иустина Ольшевского. В этом доме планировалось разместить церковь, зал для религиозно-просветительских чтений, двухклассную школу, квартиры для учителей и бесприходного уездного наблюдателя, а также помещения для приезжего духовенства.

Подводя итоги пятнадцатилетних плодотворных трудов отца Иустина на поприще епархиального миссионера, церковно-школьные деятели заявили о своей нравственной обязанности отметить заслуги миссионера-педагога публично. Архиепископ Назарий благословил это намерение, назначив чествование на 29 декабря 1911 года.

Во время чествования Кременчугский уездный наблюдатель священник Даниил Данилевский прочел от имени церковно-школьных работников Полтавской епархии адрес, в котором, в частности, было сказано: «Шестнадцать лет назад на долю Вашу выпал жребий стать правой рукой блаженной памяти епископа Илариона в его святых трудах на ниве церковно-школьной. В ту пору над нашей родной школой занималась заря новой, радостной жизни. Из серых сумерек незаметного прозябания, из железных оков материального гнета эта школа неудержимо-стихийно потянулась к свету... В это незабвенное, доброе время впервые мы увидели Вас, Владыко, выходящим на ниву церковно-школьную в расцвете сил, с глубокой и покорной готовностью все существо свое отдать святому любимому делу. И плодотворность Ваших неустанных трудов на сей ниве не замедлила проявить себя во всей силе».

Отвечая на приветственный адрес, владыка Сильвестр сказал: «В прочитанном... я познаю не столько самого себя, сколько любовь, благорасположение и благонастроение писавших. Спаси вас, Господи! На это приветствие я отвечу следующим святоотеческим словом – именно: что было в моей школьной деятельности доброго, то – от Господа Бога, а что было несовершенного, то – мое собственное. Посему Господу Богу нашему за все слава и держава во веки веков. Аминь».

Став епископом, он усилил свои молитвенные труды, ревностно исполнял архипастырские обязанности. Каждую неделю преосвященный четыре дня служил литургию. В понедельник и субботу служил ранние литургии, в пятницу и воскресенье – поздние; каждую пятницу владыка читал акафист страстям Христовым. В середине 1912 года до полтавской паствы и прихожан Крестовоздвиженского монастыря, где владыка жил

и часто служил, стали доходить слухи о намерении Святейшего Синода перевести епископа Сильвестра на другую кафедру. Любовь паствы к нему была такова, что было послано прошение в Святейший Синод с просьбой не переводить владыку на другую кафедру, оставить в Полтаве, хотя бы еще на несколько лет. Верующие писали, что молитвами епископа Сильвестра они полюбили богослужение, осознали и почувствовали важность внимательного и благоговейного отношения к Божественной литургии.

Епископ Сильвестр был оставлен на кафедре еще на два года. 13 ноября 1914 года он был назначен епископом Челябинским, викарием Оренбургской епархии.

4 декабря духовенство и полтавская паства провожали своего глубокочтимого и любимого пастыря, двадцать четыре года прослужившего в Полтавской епархии. Из Полтавы преосвященный Сильвестр поехал в Одессу к своему духовному отцу, архиепископу Назарию, оттуда в кафедральный город епархии – Оренбург, а затем на место своего служения в Челябинск, куда он прибыл в двадцатых числах декабря.

При своем первом служении в челябинском соборе владыка сказал: «Господь наш Иисус Христос заповедал Своим ученикам, а в лице их всем пастырям Церкви, быть прежде всего проповедниками мира (Мф.10:12). Посему и аз смиренный, принимая возложенное на меня послушание, обращаюсь к вам, возлюбленные о Христе братие и чада, с сим Христовым словом: мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мір дает, Аз даю вам (Ин.14:27).

Мир от Господа не таков, как тот мир, который от людей мира сего исходит. Мир сего мира часто бывает как бездеятельность, как плод телесной и духовной немощи, мир сего мира бывает как беспечность, как плод всякого нерадения. Мир сего мира бывает как злое попустительство, как злое непротивление злу...

Завещая мир, Христос Спаситель вместе с тем сказал: Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч (Мф.10:34). При действовании Царствия Божия в мире неизбежно выступают и меч от врагов, как сила, противная Христу, и достойный меч от последователей Христовых, как напряжение доброй деятельности. Истинный последователь Христов не противится злу греховными средствами, но всячески действует против зла благословенными от Господа средствами...

Каков же мир Христов?

Мир Христов есть деятельный внешний мир со всеми ближними и дальними. Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте (Рим.12:18), говорится в слове Божием. Мир Христов есть мир совести как нравственная безукоризненность. Мир Христов есть мир с Богом как дерзновенная молитва».

29 января 1915 года была освящена построенная при архиерейском доме крестовая церковь. В епархии в это время был недостаток в священнослужителях, и владыка Сильвестр обратился к епископу Оренбургскому Мефодию (Красноперову) с просьбой разрешить приглашать для служения в храме иеромонахов из Полтавской епархии. Епископ Мефодий поддержал просьбу владыки Сильвестра, и по указу Синода 7 марта 1915 года епископ Сильвестр был назначен настоятелем новообразованного Георгиевского монастыря в Челябинском уезде; ему было предоставлено право приглашать иеромонахов и монахов из Полтавской и других епархий.

Служа в Оренбургской епархии, владыка все силы отдавал пастве, большую часть времени проводя в поездках по церквям Челябинского уезда, благоустраивая духовную жизнь приходов. Самый указ Святейшего Синода от 4 июня 1915 года о назначении преосвященного Сильвестра епископом Омским и Павлодарским застал его в пути и стал ему известен только спустя неделю. Через день епископ выехал в Петроград, чтобы здесь познакомиться с положением дел той епархии, где ему предстояло служить. Испросив разрешение Синода, владыка посетил Полтаву. Из Полтавы епископ проехал в Киев, где принял участие в торжествах в честь святого князя Владимира.

Имея благочестивую привычку перед всяким трудным делом или испытанием молиться у православных святынь, он по своему обыкновению, прежде чем направиться в Омск и

вступить в управление епархией, совершил паломничество в Иркутск, чтобы поклониться святым мощам святителя Иннокентия и попросить у него помощи. Наступило тяжелое время, уже год, как длилась война и рекой лилась кровь, и он молился святителям Тобольским и Иркутским, чтобы их предстательством Господь укрепил его дух, даровал ему силу и мужество, какие были у них, чтобы благоуспешно вести врученную ему паству ко Христу и спасению.

8 августа 1915 года преосвященный Сильвестр прибыл в Омск. Протоиерей кафедрального собора встретил его приветственным словом, вновь напомнив памятные для архиерея слова: «В знаменательные, важнейшие минуты Вашей жизни, при принятии благодати священства, в Вашей душе звучали слова Христа Спасителя, обращенные к апостолу Петру: Егда был еси юн, поясался еси сам, и ходил еси, аможе хотел еси; егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет, и ведет, аможе не хощеши (Ин.21:18). Этими словами с Вашей стороны выражалась всецелая преданность воле Божией, послушание Ему, выражалась Вами и готовность нести свой крест: “Крест, по выражению преподобного Исаака Сирина, есть воля, готовая на всякую скорбь”».

В ответном слове преосвященный Сильвестр сказал:

«Христов мир степной стране сей, Богом врученной нам пастве омской!

Христов мир богоспасаемому граду сему!

Христов мир вам, возлюбленные братие, сестры и чада!

Уста глаголют от избытка сердца. Нельзя не говорить прежде всего о том, что ныне на душе у всех.

Уже второй год дорогое Отечество наше переносит допущенное Господом тяжкое испытание в виде жесточайшей войны с просвещенными западноевропейскими варварами. Напряжение жизни страшное, потери великие. Множество семейств оплакивают потерю своих кормильцев. И степной край наш разделяет общую судьбу скорбей и тягостей. Потребен, дорог мир исстрадавшемуся сердцу, но мир Христов, а не мир вражеский.

Степной край Господь изобильно благословил всякими дарами Своими. Потому устремились сюда люди на жительство из разных мест. Благодарение Господу, принесли они с собою деятельную силу, верующие сердца, доброе настроение. С великим трудом и усилиями, как это обычно у новоселов, они устрояют свой телесный и духовный быт. Но удовлетворение духовных их потребностей встречает часто близкие к непреодолимости затруднения, именно в деле устроения храмов Божиих и определения подготовленных пастырей. Есть и иные тормозы. Вместе с верными святой Православной Церкви сынами явились сюда во множестве люди иного устроения духовного: явились сюда люди, духовно отравленные немецкой верой. Всем ясно теперь, что именующие себя баптистами, евангельскими и духовными христианами, сознательно или несознательно, составляют собою передовые посты врагов наших, разрушающих наши духовные твердыни. Хитростью отнимая у народа Православие, они тем вносят смуту и ослабляют его. Вот что глубоко заботит сердце пастыря Омской церкви. Не говорим уже о том, что степной край наш имеет у себя множество отпавших от святой Церкви приверженцев именуемого старого благочестия, а также множество инородцев, не ведающих Христа, – их также подобает привести к спасительной пажити церковной...»

В 1917-1918 годах в Москве собрался Поместный Собор, восстановивший патриаршество и избравший Патриархом Тихона, митрополита Московского. Епископ Сильвестр стал неизменным участником соборных заседаний.

В январе 1918 года преосвященный Сильвестр был в Полтаве и возвращался в Омск. Повсюду в стране наблюдалось как падение нравственное, так и развал хозяйственный. Пассажирские поезда из Полтавы не ходили, и владыка вместе с сопровождавшим его диаконом попросились в одну из солдатских теплушек эшелона, который возвращался с Западного фронта в восточные губернии. В вагоне среди молодых солдат находились безбожники-агитаторы, они стали укорять солдат, что те пустили в вагон священнослужителей, и поносить православную веру.

С грустью слушал их архипастырь, под опекой которого было в то время более полумиллиона духовных детей; перед его мысленным взором проносились знакомые по его богатому миссионерскому опыту образы отступников от святой веры и Церкви. Он ясно почувствовал, что долг повелевает ему сказать свое слово, каковы бы ни были последствия.

– Братцы, – громко и отчетливо произнес архипастырь, обращаясь к солдатам, – признаете ли вы свободу за всеми людьми? Если признаете свободу, чтобы не веровать, то признайте свободу и за теми, кто желает веровать. Не дозволяйте глумиться над неверующими, но не оскорбляйте и верующих. О чем угодно гражданском говорите и обсуждайте свободно, но не касайтесь Господа Бога и святыни... А желаете узнать насчет религии, спрашивайте тех, кто на это дело поставлен. Ведь насчет лекарства спрашиваете у доктора, насчет суда спрашиваете у адвоката, так насчет религии спрашивайте у пастырей.

И затем архипастырь стал отвечать на вопросы солдат. Рассказал о нетленных мощах угодников Божиих, почивающих в Киево-Печерской Лавре, рассказал о святых, которые были выходцами из крестьянского сословия, из людей самого бедного состояния, а затем, отвечая на вопросы, долго и подробно рассказывал о святом праведном Иоанне Кронштадтском, о своей поездке к нему и о том, какое впечатление произвел на него кронштадтский пастырь.

Рассказ его коренным образом переменил настроение слушателей; ругатели Церкви на ближайшей станции покинули вагон и не возвратились, а от других больше не слышалось ни одного оскорбительного для веры и святыни слова.

В течение восьми дней поездки преосвященный Сильвестр беседовал с солдатами, молился, читал дорожное Евангелие и наблюдал жизнь и характер спутников. Не видно было, чтобы кто из солдат творил крестное знамение или молился. Наоборот, гнилая брань постоянно срывалась у них с языка. И задумался архипастырь над тем, как бы вразумить эти заблудшие христианские души. Подходил воскресный день, и владыка решил этим воспользоваться.

– Братцы, – обратился он ко всем в вагоне, – не мудрено вам в длинном пути дни потерять. А ведь сегодня воскресенье. Ваши родные, отцы и матери, жены и дети идут в церковь, наверное, вас поминают в молитвах. Давайте и мы здесь в вагоне отметим воскресный день, хотя краткой молитвой. Пропоем, я прочитаю вам из святого Евангелия. Хорошо?

Епископ предложил всем, кому позволяло место, встать. Кому нельзя встать – молиться сидя. Затем предложил всем осенить себя крестным знамением и начал громко: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Под руководством отца диакона солдаты подхватили: «Аминь» – и стали петь «Царю Небесный». Пропели «Отче наш», «Спаси, Господи», «Богородице Дево». Пели воодушевленно. Потом епископ прочел по-славянски первое воскресное Евангелие и дал прочитанному объяснение и вслед за этим сказал:

«Дорогие мои! Я с вами почти неделю живу в этом подвижном доме. Видел ваши душевные качества и скажу вам правду. Пред моими глазами много было случаев, когда вы жалостливо относились к бедствующим людям, которые просили у вас приюта. Вы их устраивали у себя и даже кормили. Это доброе евангельское качество. Видел ваше терпение, с каким вы переносите выпадающие на вашу долю лишения. И это добро, ибо без терпения нет спасения. Видел, как вы искренно и без лукавства относитесь друг к другу. И это добро, ибо из этого вырастает дружба и христианская любовь. За все эти качества с нами может быть Христос. Но кроме этого, я видел у вас одну привычку, о которой не могу говорить без глубокой скорби. Это – постоянное употребление гнилых слов... Знаете, кого оскорбляет эта скверная брань? Она прежде всего оскорбляет Матерь Божию, общую духовную Матерь рода христианского. Затем она оскорбляет родную матерь каждого из нас, ибо все мы происходим от одних прародителей – Адама и Евы. Наконец, она оскорбляет нашу мать-сыру землю, ибо из земли мы сами взяты, земля нас кормит и в землю по смерти возвращаемся. Иные произносят гнилые слова с усладой, смакуют, как жуки

навоз. А иные произносят по привычке, без всякой мысли. Но как бы ни произносить их, можно ли сохранить при этом чистоту души? Спаситель наш сказал, что только чистые сердцем увидят Бога. Поэтому ясно: чтобы с нами был Господь Христос, нам обязательно навсегда нужно отказаться от употребления гнилых слов. Вот вам, дорогие христиане, какой завет преподает нынешнее Евангельское чтение. В добром намерении этом сами постараемся, и Господь нам поможет. Господь Христос да будет с вами».

Епископ кончил свое наставление, и солдаты под руководством отца диакона спели «Достойно есть». Молитвословие было окончено, и владыка поздравил всех с воскресным днем.

После этого богомоления ехали еще двое суток. И архипастырь имел великое утешение видеть, что старые солдаты почти перестали употреблять ругательные слова, а у молодых они срывались, но изредка.

Недолгим было благодетельное управление Омской кафедрой: в начале 1918 года к власти в Омске пришли большевики. В январе был обнародован декрет советской власти об отделении Церкви от государства, который церковными людьми был справедливо расценен как начало открытых гонений на Русскую Православную Церковь от безбожных властей. По призыву Поместного Собора во многих городах России состоялись крестные ходы. 4 февраля крестный ход, в котором участвовали все городские приходы, состоялся и в Омске; его возглавил преосвященный Сильвестр. Шествуя по улицам города, грандиозный крестный ход останавливался у каждого храма, епископ служил молебен, а затем обращался к народу с увещевательным словом, призывая хранить православную веру и защищать храмы, которым при наступающем порядке грозит разорение.

Через день после городского крестного хода в три часа ночи с 5-го на 6-е февраля 1918 года к архиерейскому дому подошел вооруженный отряд карателей-матросов; матросы стали стучать в двери дома. Так как еще задолго до этой ночи преосвященный Сильвестр, ввиду грабежей и насилий, чинимых в городе под видом обысков, распорядился ночью в дом никого не пускать, прислуга дверей не открыла. Пришедшие стали грозить, что будут стрелять и взорвут двери. Тогда по распоряжению эконома архиерейского дома на соборной колокольне ударили в набат. Каратели бежали. К архиерейскому дому начал сбегаться народ, к которому вышел владыка. В это время стало известно, что какие-то люди грабят дом кафедрального протоиерея и ключаря. Часть народа направилась туда. Но тут снова появился вооруженный отряд и ворвался в дом архипастыря. Потрясая оружием, матросы с бранью кричали:

– Где архиерей?

– Я архиерей, – ответил владыка.

Преосвященного Сильвестра схватили, приставили к виску револьвер и, не дав возможности надеть теплую одежду, по сибирскому морозу повели в помещение Совета депутатов. Главарь отряда набросился на находившихся в архиерейском доме людей и, выстрелив из револьвера, разрывной пулей убил эконома владыки Николая Цикуру.

Доро́гой в Совет депутатов и в первые часы пребывания там безбожники беспрестанно издевались над преосвященным Сильвестром. В это время по всему городу гудели колокола – это на звон соборной колокольни откликнулись другие церкви. У храмов, на улицах и площадях появились толпы народа. Возмущенные люди требовали освободить епископа. По требованию верующих горожан к епископу были допущены несколько депутаций. Депутации, общее народное возмущение оказали влияние на настроение безбожников, и владыку перевели в отдельную комнату. Ругань солдат начала смолкать, а затем совсем прекратились. На следующий день весь город пришел в движение; учреждения, магазины, учебные заведения закрылись. В городе шла непрерывная стрельба – это красногвардейцы залпами разгоняли народ. У архиерейского дома была поставлена стража. В четыре часа дня в городе объявили осадное положение, и люди были вынуждены разойтись. Стрельба продолжалась всю ночь. В двенадцать часов ночи в архиерейский дом пришла следственная комиссия и опечатала покои епископа. 7 февраля владыка провел в заключении, 8-го в

двенадцать часов дня он был освобожден под подписку о невыезде из города. Это обстоятельство помешало владыке выехать в Москву для участия в Поместном Соборе.

22 апреля (5 мая) Патриарх Тихон возвел епископа Сильвестра в сан архиепископа.

Вскоре началась гражданская война, и белые освободили город от большевиков. В это время Омск, как и вся Сибирь, оказался отрезанным от России линией фронта. В ноябре 1918 года в Томске состоялось совещание архипастырей Сибири, организовавшее Высшее Временное Церковное Управление Сибири, главой которого по желанию архипастырей стал высокопреосвященный Сильвестр. Свою деятельность он начал с того, что отменил безбожный декрет от 19 января 1918 года. Православной Церкви были возвращены земли и собственность, в школах восстановлено преподавание Закона Божия. В Сибири была восстановлена учебная деятельность в пяти Духовных семинариях и в пяти духовных училищах.

Когда адмирал Колчак пришел к власти, архиепископ Сильвестр 29 января 1919 года привел его к присяге как Верховного правителя России. В марте 1919 года архиепископ организовал крестный ход по городу с участием Колчака и колчаковского правительства. В мае–июне он совершил поездки по Томской, Красноярской и Иркутской епархиям, во время которых произнес в различных приходах более ста проповедей. Для укрепления духа и нравственности офицеров и солдат Белой армии архиепископ Сильвестр восстановил институт полковых священников, и в армию им было направлено более двух тысяч пастырей. Церковное управление, возглавляемое высокопреосвященным Сильвестром, разослало более шестидесяти тысяч воззваний, в которых разъяснялась антихристианская суть большевизма. В Омске стали издаваться журналы «За Святую Русь» и «Сибирский благовестник».

В августе 1919 года в Омске состоялся съезд казачьих войск России, на котором с приветственным словом выступил Верховный правитель адмирал Колчак, призывая защитить веру православную, а высокопреосвященный Сильвестр благословил воинов хоругвями с изображением креста и надписью: «Сим победиши».

После занятия города Омска большевиками, архиепископ Сильвестр был изгнан из архиерейского дома и поселился в доме настоятеля Успенского кафедрального собора священника Феодора Чемагина. Вследствие перенесенных испытаний архиепископ тяжело заболел раком кишечника. Болезнь оказалась скоротечной, он скончался в половине третьего дня 10 марта 1920 года и был погребен в склепе при кафедральном соборе. Впоследствии Успенский собор был разрушен и на его месте разбит сквер Пионеров. Летом 2005 года на месте сквера были начаты археологические раскопки фундамента собора. 16 июля работы стали проводиться в склепе, где был погребен архиепископ Сильвестр, и при раскопках обнажился гроб и икона с дарственной надписью архиепископу. Вскоре были найдены остатки архиерейского облачения и параман.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

* * *

О святителе Сильвестре сегодня написано уже довольно много, но некоторые страницы его «Жития» (как, например, место и обстоятельство его земной кончины) подвигает нас, историков и краеведов, на более тщательные поиск, выявление и публикацию тех архивных документов, которые запечатлели для истории его служение на омской земле.

Александр Лосунов, омский историк-краевед

Согласно документам, найденным главным специалистом Исторического архива Омской области М. Ф. Паниной, епископ после прихода красных был взят под арест, но по требованию горожан освобождён вечером того же дня и изгнан из архиерейского дома. Он

жил у священника Фёдора Чемагина и умер 10 марта 1920 года от рака кишечника. О кончине архиепископа от указанного заболевания сообщается в Книге регистрации актов гражданского состояния о смерти по 3-у району Омска за 1920 год. М. Ф. Панина также опубликовала письмо М. А. Столповского, где говорилось о естественной смерти епископа Сильвестра от «кишечного рака» и его захоронении в «Соборном склепе». Не найдено никаких документов, подтверждающих факт ареста архиепископа или содержания его в тюрьме[2][3]. Церковный историк Андрей Кострюков указывает, что в материалах Русской зарубежной церкви, связанных с прославлением новомучеников, указывается, что епископ Сильвестр умер именно в марте, а не феврале 1920 года[4].

Примечания

[1] По благословению Святейшего Патриарха Кирилла от 18 мая 2018 года, в соответствии с уточненными данными Синодальной комиссии по канонизации святых (рапорт Председателя Комиссии № 64 от 16.05.2018), архиепископ Омский Сильвестр (Ольшевский) именуется священноисповедником, и память его переносится с 26 февраля на 10 марта (9 марта в високосном году).

[2] Панина М. Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Сборник научных трудов — № 19. — Омск, 2014. — С. 123—126.

[3] Храпова Н. С., Сушко А. В. Актовая запись о смерти архиепископа Сильвестра (Ольшевского): некоторые аспекты анализа источника // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: сб. тр. конф. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. — С. 299—304.

[4] Кострюков А. А. К вопросу о прославлении Русской Зарубежной Церковью инославных христиан // Православие в Балтии. 2020. — № 9 (18). — С. 74.